

важнейшей предпосылкой экономического и культурного подъема Руси в XII-XIII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

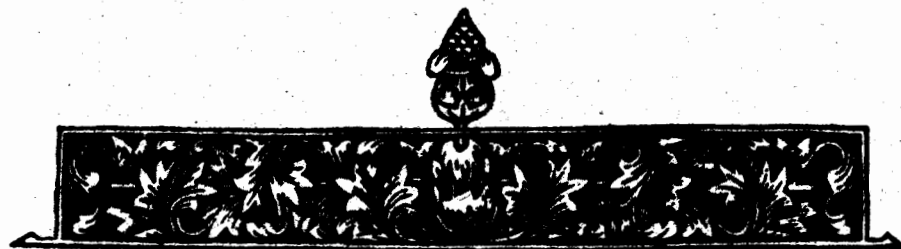
¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIX-XX вв. М.: Л., 1950. С. 35.

² Павлов — Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси // Павлов — Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 153-154.

³ Материалы раскопок в Нефедьеве в 1983-1985 гг. Опубликовано: Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI-XIII вв. М., 1990.

⁴ Подробнее см.: Макаров Н. А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI-XIII вв. / Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополя // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 205. М., 1991. С. 11-20.

⁵ Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872. С. 62-66.

Время. События. Люди

А. В. Смирнова

Город Кириллов и его окрестности в описаниях путешественников конца XVIII — начала XX века

«Италия и Швейцария, Апеннины и Альпы много угощали меня своими видами, но признаюсь, есть мгновения природы в нашем разнообразном Отечестве, которые не уступят по красоте Апеннинским и Альпийским, хотя имеют совершенно другой характер».

Шевырев С. П.

Кирилло-Белозерский монастырь как центр духовной культуры занимал видное место в истории Русского государства, поэтому его святыни привлекали внимание многих. В конце XVIII — начале XX века в числе путешественников, посетивших монастырь, были отставной секунд-майор П. И. Челищев, профессор русской словесности, доктор филологии С. П. Шевырев, литератор и художник И. Ф. Тюменев, поэт и журналист К. К. Случевский, граф П. Шереметев,

писатель, граф М. В. Толстой¹. В опубликованных ими заметках, дневниках, письмах находим описание монастыря, города и его окрестностей. Интересны в этом отношении и опубликованные в периодических изданиях статьи паломников А. Лебедева и А. Коровкина². Воспользуемся этими материалами, посмотрим глазами путешественников на родные места, сравним с сегодняшним их состоянием.

Как и сегодня, к Кирилло-Белозерскому монастырю и городу Кириллову вели несколько дорог, связывавших с Белозерском, Череповцом, Вологдой, а также с монастырями — Ферапонтовым, Горицким, Нило-Сорским. Многоверстный путь производил большое впечатление на путешественников, особенно если они проделывали его в теплое время года, как, например, С. Шевырев. Вот вологодская дорога в его описании. «Чем ближе к Кириллову, тем более и более оживляется дорога. Поднимаются горы, пригорки с группами деревьев, с избушками, с ветряными мельницами. Озер, больших и малых, бесчисленное множество. Реки протекают через них и связывают их между собою; иногда же каналы. <...> Растительность чрезвычайно как оживлена этою водою. Черемха, ольха, вяз, малина, шиповник, или по-здешнему шипишник, смородина, багула, или багульник, этот пушистый цвет, растущий кустом на высоком стебле и издающий запах, подобный запаху цвета черемухи — все это мешается очень живописно по берегам озер и по беспрерывным пригоркам, между которыми вьется неровная дорога»³.

Остановившись в обители преподобного Кирилла, С. Шевырев посетил соседние монастыри, в том числе и упраздненный Ферапонтов монастырь⁴. «Дорога идет сначала озерами, окружающими Кириллов: Долгим, Святым, а потом углубляется в леса довольно частые, перемежающиеся озерами. Когда выезжаете из леса, главы церквей виднеются издали, и открывается прекрасное озеро Бородавское, или Ферапонтово, которого форма совершенно иная, чем Сиверского и чем других озер. Берега его чрезвычайно разнообразны: и горы, и поля, и лес кругом его сменяются, а по нем видны островки с лесочками. Озеро предстает вам среди необозримого пространства во всей своей огромной целости. Загиб, который оно делает, придает необыкновенную красоту его форме»⁵. Через двадцать лет после С. Шевырева побывал здесь М. Толстой. «Местность бывшей обители в пятнадцати верстах от Кириллова весьма живописна, — писал он, — живописны и виды по дороге. После болотных перелесков открылись два обширных озера. Одно из них, Бородавское, огибает монастырскую ограду. Ясный солнечный день благоприятствовал местоположению, историческая обитель издали предстала на своем зеленом холме в полном блеске, как бы еще не упраздненная, с

своими шатровыми главами в виде остроконечных башен, которые дают ей особенный, своеобразный вид. Так величава ее наружность и так живописно положение, что нельзя не пожалеть о ее запустении. Это место как будто нарочно создано для монастыря, преимущественно перед другими»⁶.

Впечатления о белозерском тракте находим и у И. Тюменева: «За Третьяковым мы переехали границу Кирилловского уезда. Дорога пошла длинным отлогим спуском, и вдали между зелени сверкнула перед нами Шексна, а на противоположном берегу ее селение Вогнема, первая и единственная почтовая станция между Белозерском и Кирилловым. Лицо подкатили мы к берегу, но здесь волей-неволей принуждены были остановиться: по Шексне шел буксирный пароход, и паромное сообщение между берегами было на время прервано. Паром, причаленный у Вогнемы, стоял без движения, а канат, по которому он ходит, — спущен глубоко на дно, чтобы не препятствовать движению судов. Мимо нас, поднимаясь вверх по реке, прошел пароход «Белозер» с четырьмя полулодками (небольшими баржами — А. С.), а направо над кустами уже поднимался дымок другого парохода, и медленно двигались мачты еще невидимых судов. Пришлось ожидать и второго парохода, который оказался «Работником», принадлежащим череповецкому купцу Милютину... Наконец, пароходы со своими буксирами прошли, или вернее проползли мимо нас в правую сторону. Теперь путь был свободен, паромный канат снова натянули, и через несколько минут наш тарантас, глухо погромыхивая, въехал на паром. Началась переправа. При взгляде на воду казалось, что паром стоит неподвижно на месте, и только серебристые струйки мчатся и несутся вдали, весело плескаясь о темные мокрые борта. Течение Шексны здесь очень быстро, и нам стало понятно, почему так медленно двигались пароходы. <...> Паром пристал к берегу. Широкий подъем вел мимо белой каменной церкви, прямо к почтовому двору, где мы простились со своим статным и бравым возницею». Рассказал путешественник и о дороге ближе к Кириллову: «С Поклонной горы мы увидели вдали каменные стены Кирилло-Белозерской обители и расположенный несколько левее монастыря уездный городок Кириллов. Но дорога опять спустилась под гору, и монастырь скрылся из вида. При въезде в деревню Власово мы заметили под ее довольно большой курган, а за деревней с пригорка в лесу увидели колокольни и кресты храмов женского Горицкого монастыря, расположенного на берегу Шексны в семи верстах от Кириллова. Дорога шла лесом. Налево показался перекресток, и на самом углу, где от нашей дороги отделялась другая, мы увидели большой крест под тесовою крышей, утвержденного на четырех столбах. <...> За перекрестком вскоре показалось извили-

стое озеро Ермаковское, окруженное пологими скатами зеленевших обработанных полей. Дорога от Поклонной горы пошла с пригорка на пригорок, открывая все новые и новые картины. Налево в стороне показалась деревня Погорелиха и около нее светлое озеро Егорьевское. Вдали белела церковь св. Георгия Победоносца⁸. Кругом по берегам раскидывались крестьянские поля с зеленевшею колышащеюся рожью. Сердце радовалось, глядя на это изобилие хлеба. Вскоре мы поравнялись с Егорьевскою церковью. Она стоит несколько в стороне, а у дороги построена часовня с образом великомученика⁹.

Отворот с белозерской дороги, у начала которого стоял «большой крест под тесовою крышей», вел к Нило-Сорской пустыни. Многие паломники проходили и проезжали по этому пути. Был здесь и граф М. Толстой. «По мере того, как мы углублялись в чащу леса, привлекательнее представлялась нам дубрава и понятнее влечение Нила в его пустыню. Уже слышно было тихое журчание Сорки, из ручья образовавшей речку по зеленой поляне, испещренной цветами, между расступившегося с обеих сторон леса, и эта поляна все расширялась, под ропот растущей реки, которая далее уже шумела, вращая колеса уединенной мельницы, и привела нас наконец к самой обители»¹⁰. Описание окрестностей Нило-Сорской пустыни имеется и у С. Шевырева: «Невдалеке от самой пустыни находится озеро, весьма привольное и живописное. Оно называется Сорским от речки Сорки, которая в него впадает. Дико, мрачно и пустынно то место, где находится скит. Почва ровная, но болотистая: кругом лес более хвойный, нежели лиственный. Речка Сорка, давшая прозвище и Угоднику Божию, не вьется, а тянется по этому месту, и похожа более на стоячее болото, нежели на текучую воду. В траве, растущей по берегам ее, встречается и поляника, здешняя вкусная, благовонная ягода: это самое сладкое, что можно встретить в этом диком месте. Среди этих различных угодий, которыми так изобильна здешняя светлая, счастливая природа, трудно отыскать убежище, более грустное и уединенное, чем эта пустынь»¹¹.

Приведем еще отрывок из книги этого путешественника, написанный им под впечатлением череповецкой дороги: «Едучи из Кириллова на Череповец, можно было измерить всю пятиверстную длину озера Сиверского и долго любоваться горой Маурой, стенами и башнями Кириллова монастыря, которые скрываются за горами и перелесками прежде, чем покинешь озеро. На Ивановом бору, в двенадцати верстах от Кириллова, переправа через Шексну. Покамест переезжали мы на пароме, я расспрашивал о порогах Шексны. Ближайший отсюда, самый большой, называется Иванова голова, подалее у Миловиц (Ниловиц — А. С.) также большой, Кривец, по

здешнему произношению. Там следуют меньшие: Коленец поболее других, Кузнец, Косые гряды, Куприян, Головник, Миль самый начальный. Мелким безымянным порогам счета нет. <...> От Галинской станции почва заметно поднимается высоко, потому что открываются отовсюду те чудные виды с лесами отдаленными, с бесконечным кругозором Русским, которым, очевидно, объясняется поговорка: Русский ум любит простор. — Взор тонет в нескончаемой дали: так и хочется уехать далеко, далеко!»¹².

Интересны рассказы и тех, кто путешествовал по водным дорогам. В 1901 году ученики Череповецкого городского училища, совершая паломничество к святым местам Белозерья, плыли на пароходе по реке Шексне от Череповца до пристани Горицы: «Местность здесь очень холмиста. Холмы, овраги, хвойные леса, частые села и деревни придают довольно живописный вид берегам Шексны; но вместе с тем последняя становится все порожистее и порожистее; большие камни высовывают свои маковки из воды; вода быстро стремится вперед, кружась около камней. Вот и самый большой порог Шексны Иванова голова. Пароходам здесь трудно идти. Вместо четырех-пяти лодок¹³ они тащат уже только по две, а то и по одной. Нередко вместо пароходов зачаливают лодку люди и лошади и тащат через все пороги. Оказывается, что, несмотря на затраченные миллионы на улучшение Шексны и на устройство в ней шлюзов, лодки не могут обойтись без людей и лошадей. Характерною особенностью здесь является то, что лодки тянут не мужчины, а женщины. Обилие судов, вереницы лошадей и женщин в ярко-пестрых сарафанах и платках, визг, смех, дубинушка, крики мужиков, управляющих судами, — все это придает местности значительное оживление. Солнце ярко освещало всю эту своеобразную и, на первый взгляд, веселую картину»¹⁴.

Приплыв на пароходе в Горицы или приехав туда по дороге, путешественники посещали Горицкий Воскресенский девичий монастырь, нередко ходили на гору Мауру¹⁵. Поднимался на монастырскую колокольню и на вершину Мауры и С. Шевырев: «Мы взошли на колокольню, чтобы оттуда полюбоваться еще на окрестности, на цветущие берега Шексны, которая так здесь живописна в своем луговом раздолье. Тучка собиралась вдали, но солнце сияло еще во всем своем великолепии и жаркими лучами золотило всю картину реки, полей и бесконечной зелени. На возвратном пути в Кириллов мы вышли из тарантаса у подошвы горы Мауры, на которую надобно же было непременно взойти, чтобы здесь помянуть Преподобного Кирилла. Здесь совершилось воочью его видение. Отсюда узрел он впервые место, назначенное ему Богоматерью для обители. Перелеском, довольно частым, по узкой тропинке, пробирались мы до

вершины горы. Дождик крупными каплями падал на нас, но когда мы взошли на вершину, он прекратился. Здесь открылось мне одно из тех великолепных зрелищ природы, которые хотя видишь раз, но они врезаются неизгладимыми чертами в воображении. <...> Кругозор обнимал бесконечное пространство во все стороны, на несколько десятков верст. Полноводная Шексна с своими извивами, которыми любовался я с колокольни Горицкой, составляла здесь одну только малую часть чудного зрелища. К тому же ее украшала и обитель с своими церковными главами. Часть неба с правой стороны была одета тучей: в ней гудел отдаленный гром, и она скрывала еще огромное пространство. Но весь горизонт к Кириллову монастырю освещался уже солнцем, в самом блистательном его закате. Озеро Сиверское во всю свою пятиверстную длину, голубое и подернутое сильной рябью от протекшей грозы, расстиралось внизу и казалось еще меньшею частию картины, нежели извивы Шексны. Стены монастыря и его башни, осененные золотыми главами одиннадцати храмов, стояли снегу белого в солнечном освещении. Вдали, прямо за Сиверским озером, и вправо и влево от него, озера без числа, как голубые зеркала, или как отломки лазурного неба, далее как точки, а между ними ленты каналов и рек, покрывали землю, которая то зеленела лесами, лугами и нивами, то желтела колосьями ржи, то бурела песчаными берегами или холмами. Чем более углублялся взор в это пространство, тем бесконечнее становилось зрелище. Вершина горы, на которой стоишь, совершенно открыта. Здесь лежит огромный камень¹⁶, каких встречаешь много в нашей северной природе. На этом камне означен след ступни человеческой. Народное предание говорит, что это след ноги самого Кирилла...»¹⁷

По словам А. Лебедева, сообщение между Горицами и Кирилловом было удобным: «На паровой пристани являются ящики с предложением услуг довести до г. Кириллова за сходную плату (60-80 коп.). Излучистая дорога сначала пролегает весьма живописными лесистыми пригорками, огибая высокую, поросшую лесом, гору Мауру, а потом, перед самым монастырем, идет вдоль тихого озера Сиверского»¹⁸

О Сиверском озере упоминали многие путешественники, но более подробно написал о нем С. Шевырев, любовавшийся ими с горы Мауры, и с колокольни Кирилло-Белозерского монастыря: «Взойдите на колокольню, которая возвышается над оградой, примыкающею к озеру. Отсюда вы увидите его в длину и ширину. Длина пять или шесть верст, а ширина одна верста, местами поболее. Насупротив монастыря, посередине озера, вы видите маленький островок¹⁹ и на нем деревянный крест, по преданию, водруженный также пр. Кириллом. Жители говорят, что этот островок никогда не

понимается водою и что когда озеро ломает лед свой, то лед на него не всходит. <...> Прекрасна ровная гладь этого пятиверстного озера, с утра до вечера и ночью меняющая цвета свои»²⁰. «Тихо плещется у стен монастыря Сиверское озеро, — писал К. Случевский. — Низменные берега его кажутся еще более плоскими, еще низменнее в соразмерности с монастырскими твердынями, белеющими над тихой гладью темных озерных вод. Пейзаж строг, задумчив, но не мрачен»²¹.

Стоящий на берегу этого озера Кирилло-Белозерский монастырь виден едущему и идущему в Кириллов по любой дороге. «Когда подъезжаешь из Гориц к Кириллову монастырю, перед вами возникает он на берегу озера настоящею внушительною твердынею в двух своих оградах со множеством куполов», — отметил К. Случевский. П. Шереметев, приближаясь к Кириллову по Ферапонтовской дороге, увидел «вдали, в открытых со всех сторон полях, величественные, белые крепостные стены знаменитого в русских летописях монастыря с его внушительными башнями и главами монастырских церквей». С. Шевырев, еще верст за пять не доехав до Кириллова, заметил, как «забелели башни и стены монастыря Кириллова, и как белые исполины все растут выше и выше перед вами по мере того, как вы к ним приближаетесь»²².

В отличие от восторженных описаний местной природы и памятников Кирилло-Белозерского монастыря, отзывы путешественников о самом городе Кириллове, как правило, очень сдержанны. П. Челищев, посетивший Кириллов в 1791 году, подробно рассказал о занятиях его жителей. «В нем превращенного из монастырского слободского крестьянства, второй и третьей гильдии купечества и мещанства мужеска — с девять-сот, а женска пола — с тысячу душ. Из них имеющих оборотного капитала до десяти тысяч рублей купца три; другие ж весьма малый имеют капитал. Главный их торг состоит дегтем, смолою и белозерскою рыбою, что все накупивши у крестьян своего и Белозерского уезда в большом количестве, кому на сколько наличный денежный капитал позволит, для перепродажи водяною комуникациею отвозят в Санкт-Петербург, Москву, больше ж в нижние города, откуда по продаже сих своих товаров, из Санкт-Петербурга немецкие товары и виноградные напитки, из Москвы московские товары, и из нижних городов всякий хлеб, больше ж рожь, что и продают жителям того уезда, приедем господам купцам и крестьянам. Не имеющие ж для торга капитала, московские и немецкие товары покупают у приезжих с разных городов на ярмонки купцов и, распродавая оные в своем городе и в уезде по ярмонкам, имеют в торговле оборот и для своих семейств пропитание. Мещане, имеющие торг мелочными нужными для крестьянства

товарами, настоящий промысел имеют рыболовы, которую они продают в городе и по уезду. Не имеющие ж никакого торгу и рукоделия, каковых там большая часть, те отходят в Санкт-Петербург, Москву, Ярославль, Вологду и в другие города, кому куда способнее, в заработки, в заводы, сидельцы и в разные черные работы, а туда ездят на нанемших купеческих с товаром барках лоцманами и работниками.

Во оном городе бывает в год три годовых ярмонки: 1-я — в память преподобного Кирилла Белозерского, июня девятого числа; 2-я — Успенская; 3-я — Введенская. На оные множество с товаром приезжает купечества из Вологды, Белозерска, Новгорода, Тихвина, Череповца, Устюжны, Петрозаводска, Олонца, Вытегры и по малому числу из Санкт-Петербурга, Москвы, Твери и Ярославля; а также во множественном количестве со съестными припасами и с разными домашними продуктами и рукоделием собираются со всех ближних уездов крестьяне <...> Кирилловского уезда крестьяне хотя и упражняются в хлебопашестве ржи, ячменя, овса, льну и конопель, но как земля у них генерально во всем уезде не очень хлебородна, ибо в самые урожайные годы ржи у них от посеянного четверика родилось не больше четверти, овса от пяти до шести четвериков, жита от пяти до семи четвериков²³, но и тогда редкие крестьяне выживали год своим, без прикупки, хлебом; а как теперь тому назад четыре года рожь у них, затем что вызябает в корень и подьедает его червь, так худо родится, что в других деревнях и семян не получают, ячмень же и овес также и нынче родится, как и прежде, но безо ржи одним ячменем и овсом семейств своих продовольствовать не могли, покупают рожь без мала что не на весь год, а другие и на целый год у своих купцов, которые, знаючи в своем уезде неурожай, в нарочитом количестве для перепродажи привозят водою из Нижнего — Города. Как же им на покупку хлеба, на оплату государственных податей и оброка и на домашние разные надобности по крестьянскому житию денег каждый год потребно немало, то и понудило их сие зарабатывать деньги, не отставя от хлебопашества, вышеописанными мастерствами; другие, делая простые ложки и чашки для продажи, отвозят их водою целыми барками в Петербург, Москву и нижние города; живущие ж при лесных дачах, для продажи своим и других городов купцам, в большом количестве гонят смолу и деготь; все ж вообще продают пеньку и вытыкаемое разных доброт и цен из своего льну полотно каждый год от двадцати пяти до сорока, а иногда и на пятьдесят рублей всякий житель. Зимним временем ездят в извоз, а летом ходят от семей на купеческих барках лоцманами и работниками. До стреляния зверей и птиц охотников мало, и отлучающихся в

заработки от домов своих в Москву, Санкт-Петербург и другие города мало же»²⁴.

Сам город можно представить по немногословным описаниям других путешественников, например, С. Шевырева: «В 1775 году июля 25 губернатор, а впоследствии наместник Новгородский Яков Ефимович Сиверс²⁵, весьма любимый вверенными ему городами начальник, праздновал день своего рождения в Кириллово монастыре и за благорассудил здесь основать город. По плану 1777 года в этом городе предполагалось четыре площади и сорок улиц. Прошел с тех пор семьдесят один год; предположение не сбылось; нет ни одной порядочной площади, а улицы, и одной видной, нельзя бы было составить из четырех или пяти существующих, потому что все домики деревянные, плохие, каменных же всего семь, но и то в описании у г. Пушкирева²⁶, а на деле едва ли не менее. Ряды перед монастырем, в которых помещается гостинный двор города Кириллова, похожи на те деревянные прилавки, что строятся в уездных или сельских ярмонках для кочующих торговцев»²⁷.

Почти полвека разделяло приезды в Кириллов С. Шевырева и И. Тюменева, который писал о городе: «В 1799 году Кириллов оставлен за штатом²⁸, но через три года восстановлен снова и с тех пор прозябает в качестве уездного центра под сению высоких стен обители. В нем около четырех с половиною тысяч жителей, размещающихся в небольших деревянных домиках, а каменных построек во всем городе не наберется и тридцати»²⁹.

«Город Кириллов, — по мнению А. Коровкина, — не представляет ничего примечательного. Характерною его особенностью является обилие в нем и около него озер... Все они соединены между собою протоками. Самый город между озерами и сырыми лугами разбросан кучками, которые носят особые характерные клички: Обшара, Копань, Бутырки, Парашки. Среди города на обширных, ничем не занятых луговинах в летнее время горожане занимаются сенокосом. <...> Кириллов основался и держится благодаря монастырю, который вместе с Сиверским озером придает ему и некоторую красоту»³⁰.

Любопытны замечания путешественников, касающиеся характеристики жителей здешних мест. Например, И. Тюменев, въехав в Кирилловский уезд, подметил, что «народ <...> стал как будто бы поприветливее: встречные крестьяне снимают шапки и кланяются». Более подробны описания ямщиков. Вот ямщик Никифор у И. Тюменева: «Новый ямщик оказался типом совершенно другого рода. Маленького роста, худощавый, невзрачный, он был в то же время добродушнейшим существом, веселым, разговорчивым и до крайности наивным. Насколько в прежнем, Михайле, бросалась в глаза молодецкая выправка и почтительная сдержанность в ответах, часто

ограничивавшихся одними лаконическими: «так точно» и «никак нет», — настолько новый ямщик, Никифор, сразу завоевал наши симпатии своею задушевностью тона и искренним, точно родственным, отношением». Никифор, узнав о предстоящих поездках путешественника в окрестные монастыри, постарался помочь ему. «Это вас надо научить, как сделать. В Кириллове ямщиков вольных много, всякий поедет, да надо вас на настоящего человека направить. Степочкин, этот слупит, к этому не ходи. Деньги-то ведь тоже не шальные. Нет, к этому мы не пойдем, — продолжал он рассуждать. — А вот Желвачков; у него две пары и на каждую пару связка ширкунов (бубенчиков)! А ширкунки-то все ладные! Есть у него и тройка серых, ординарных — заложит, так — ах хорошо! <...> Петруха Лосков тоже совестный ямщик, и кони у него хорошие»³¹.

Описание доброго, участливого отношения местных жителей есть в рассказах и других путешественников. «Умилительно было слышать, — писал С. Шевырев, — с каким благоговением, с какою любовью говорили старушки села о своей церкви (о церкви Ризоположения в селе Бородава — А. С.), которую всеми силами пытались нам показать»³². Это отношение, несомненно, играло положительную роль в восприятии природы и памятников края.

Красота здешних мест, памятники архитектуры радуют, волнуют и сегодня. Пусть никогда не потеряют смысла слова, написанные С. Шевыревым: «Места прекрасные, благословенные! На всяком шагу природа дарит вам здесь свои возвышенные впечатления, освященные памятью мужей, угодивших Богу и засеявших всю эту землю семенами духовного просвещения»³³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Челищев Петр Иванович (1745-1811) — отставной секунд-майор, с мая по декабрь 1791 года путешествовал по северным губерниям, в Кириллове был 22-25 ноября.

Шевырев Степан Петрович (1806-1864) — историк литературы, критик, поэт, академик Петербургской АН, профессор Московского ун-та. В июле 1847 года приезжал в Кирилло-Белозерский монастырь.

Тюменев Илья Федорович (1855-1927) — литератор и художник. Белозерский край посетил в 1894 году.

Случевский Константин Константинович (1837-1904) — поэт, журналист. В 1884-1888 годах сопровождал великого князя Владимира Александровича в путешествии по северу и западу России, оставил интересные записки об этой поездке. В Кириллове путешественники были летом 1884 года.

Шереметев Павел (?) — граф, в Белозерский край приезжал вместе с графом А. А. Бобринским зимой 1900-1901 годов на охоту. В Кирилловском уезде они провели две недели.

Толстой Михаил Владимирович (1812-1896) — граф, историк церкви, писатель. В Белозерском крае был в июне 1867 года.

² Лебедев Алексей Константинович (1856-1918) — преподаватель Вологодской духовной семинарии, краевед, автор ряда работ по истории церквей и монастырей. В Кириллове был в 1896 году.

Коровкин А. (?) — преподаватель Череповецкого городского училища, сопровождал учеников старших классов в путешествии по Белозерскому краю с 30 мая по 2 июня 1901 года.

³ Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 году. М., 1850. Ч. 1. С. 134.

⁴ Ферапонтов монастырь, основанный в 1398 году, был упразднен в 1798 году, а его церкви сделаны приходскими. Вновь открыт, но уже как женский монастырь в начале XX века.

⁵ Шевырев С. П. Указ. соч. Ч. 2. С. 102.

⁶ Толстой М. В. Путевые письма с севера. М., 1868. С. 54.

⁷ Тюменев И. Ф. Пятистолетие Кирилло-Белозерского монастыря // Исторический вестник. 1897. Т. LXIX. Август. С. 451-452.

⁸ Церковь Георгия Победоносца не сохранилась.

⁹ Тюменев И. Ф. Указ. соч. С. 453-454.

¹⁰ Толстой М. В. Указ. соч. С. 65.

¹¹ Шевырев С. П. Указ. соч. Ч. 2. С. 91-92.

¹² Там же. С. 112-113.

¹³ Лодками назывались самоходные грузовые суда небольших размеров.

¹⁴ Коровкин А. Путешествие с учениками Череповецкого городского училища в Белозерский край // Вестник Новгородского земства. 1902. №13. С. 37.

¹⁵ Гора Маура, у подножия которой в 1544 году был основан Горницкий Воскресенский монастырь — это одна из самых больших возвышенностей округи, ее высота 185 м над уровнем моря.

¹⁶ Камень на вершине горы Мауры сохранился до наших дней, имеется на нем и углубление, которое, по народному преданию, является отпечатком ноги преп. Кирилла.

¹⁷ Шевырев С. П. Указ. соч. Ч. 2. С. 55-57.

¹⁸ Лебедев А. Путешествие по святым обителям Севера // Церковные ведомости. 1897. №31. С. 1070.

¹⁹ В связи с неоднократными реконструкциями Северо-Двинской водной системы уровень воды в Северском озере значительно повысился, островок скрылся под водой и показывается из воды только в очень сухое лето. В 1937 году экспедиция под руководством А. Я. Брюсова проводила на нем раскопки неолитической стоянки. Сведений о кресте, стоявшем на острове, не имеется.

²⁰ Шевырев С. П. Указ. соч. Ч. 2. С. 3.

²¹ Случевский К. К. По Северо-Западу России. СПб., 1897. С. 43.

²² Случевский К. К. Указ. соч. С. 43; Шереметев П. Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902. С. 16; Шевырев С. П. Указ. соч. С. 135.

²³ 1 четверть = 8 четверикам. Урожайность ржи — «сам-8», овса — «сам-5» — «сам-6», жита — «сам-5» — «сам-7». Житом на севере России называли ячмень.

²⁴ Челищев П. И. Путешествие по Северу России в 1791 году. СПб., 1886. С. 232-234.

²⁵ Сиверс Яков Ефимович (1731-1808) — граф, один из передовых деятелей Екатерининской эпохи, в 1764-1776 годах — новгородский губернатор, в

1776-1781 годах — генерал-губернатор (наместник) новгородский, тверской и псковский.

26 Имеется в виду: П у ш к а р е в И. Новгородская губерния // Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении. Т. 1. СПб., 1844.

27 Ш е в ы р е в С. П. Указ. соч. С. 136.

28 В 1799-1802 годах город Кириллов был «за штатом», т. е. не являлся уездным центром, территория упраздненного Кирилловского уезда входила в это время в Белозерский уезд.

29 Т ю м е н е в И. Ф. Указ. соч. С. 457.

30 К о р о в к и н А. Указ. соч. №14. С. 34.

31 Т ю м е н е в И. Ф. Указ. соч. С. 452, 456.

32 Ш е в ы р е в С. П. Указ. соч. Ч. 2. С. 90.

33 Там же. С. 105.

